

Шэн Синъюаню еще никогда в жизни не приходилось делить таз для мытья ног с другим парнем.

К Хань Жую он не испытывал ни малейшей неприязни — иначе не стал бы опекать этого нелюдимого молчуна. Но стоило им разуться, как четыре мужские ступни оказались в одном небольшом тазу.

Оба были высокими, крепко сложенными, так что и размер ноги у них был приличный — маленький пластиковый тазик трещал по швам.

— Твои внизу? — Хань Жуй слегка приподнял ногу, уступая место.

— Давай ты, — покачал головой Синъюань.

Воды в тазу было в обрез. Только тот, чьи ступни ложились на самое дно, мог по-настоящему согреться. Второму же доставались лишь жалкие брызги, едва прикрывавшие подъем стопы — какое уж тут удовольствие.

— Оп-па! — Юй Вэй, заметив их возню, так и расплылся в улыбке. — Товарищ командир, вы там помещаетесь вообще?

Лянь Чжиге тоже вытянул шею, довольно гогоча. Сам он, родом с северо-востока, уродился настоящим богатырем, тогда как сычуанец Юй Вэй был мелким, юрким и поджарым. Эта парочка — великан и коротышка — смотрелась вместе на редкость комично, но уживались они душа в душу.

Сейчас их разнокалиберные ступни весело плескались в одном тазу. Парни шутливо пихали друг друга под водой, вовсю дурачась. А вот Шэн Синъюаню и Хань Жую приходилось несладко — их совместное омовение выглядело куда более натянутым.

Хань Жуй, парень гордый и щепетильный, стеснялся наваливаться сверху, а Шэн Синъюань из вежливости пытался уступить ему побольше места. В итоге оба зажали характер, из-за чего каждый умудрился впихнуть в воду лишь по одной ноге, а вторую... что ж, оставил мерзнуть на холодном полу.

— Командир, ну так же нельзя! Столько добра пропадает! — загалдел Юй Вэй. — А ну живо суйте вторые лапы в воду! Застудитесь же, одна нога в тепле, другая в холоде!

— Точно-точно! — хохотнул Лянь Чжиге. — Такое интимное единение в одном корыте еще заслужить надо! Не каждому выпадает!

— Болтайте больше, — с усмешкой осадил их Шэн Синъюань и повернулся к Хань Жую: — Давай, покажем этим шутам, как надо.

Хань Жуй по природе своей терпеть не мог проигрывать, а уж сносить подначки от зеленых новобранцев — и подавно. Отбросив ложную скромность, он решительно опустил ногу, наступив прямо на ступню Шэн Синъюаня.

Тазик был крошечным. Когда они навалились всей массой, горячая вода мгновенно хлынула через край на пол.

— Ну вот, я же говорил! — хмыкнул довольный Юй Вэй.

— Кто сказал, что не работает? — Хань Жуй вздернул бровь.

Он аккуратно прижал подошву к подъёму стопы Синъюаня. Ступни легли друг на друга идеальной стопкой, сэкономив кучу места. Теперь они оба наконец-то отогревали озябшие ноги.

— Ну что, съели? — победно ухмыльнулся Синъюань в сторону притихших балагуров.

— Подумаешь... — разочарованно фыркнул Юй Вэй и отвернулся.

Ночью повалил густой снег, и в казарме заметно похолодало.

Ближе к отбою по спальному расположению пополз нестройный ропот.

— Холодина-то какая, мамочки... — доносился шорох снимаемого обмундирования.

— Всё, я форму снимать не буду. Зуб на зуб не попадает!

— Эй, ты зачем мою шинель тянешь?

— Дай укрыться, братуха, коченею совсем!

— А я, по-твоему, из железа сделан? Мне тоже холодно!

Шёпот и возня не прекращались вплоть до сигнала «отбой». Только когда Шэн Синъюань строго кашлянул, в помещении наконец воцарилась тишина.

Но теплее от этого не стало. Сквозь полусонную тишину Синъюань отчётливо слышал, как на соседней койке дробно стучит зубами Юй Вэй.

Лянь Чжиге мороз был нипочём — богатырское здоровье и горячая кровь сделали своё дело: парень быстро засопел и вскоре мощно захрапел на всю казарму.

Юй Вэй, заметив обращённый на него взгляд командира отделения, блеснул в темноте глазами и уже открыл было рот, чтобы что-то прошептать, как вдруг по коридору скользнул жёлтый луч дежурного фонаря.

Юй Вэй мгновенно ушёл с головой под одеяло, но его продолжало колотить крупной дрожью.

Дверь тихо скрипнула. В спальню заглянул командир роты в сопровождении взводного — дежурный обход.

Свет фонарика скользнул по лицам бойцов. Кто-то сладко храпел, кто-то съёжился в три погибели, но в целом картина начальство удовлетворила.

Когда луч скользнул по лицу Шэн Синъюаня, тот открыл глаза и заговорщически улыбнулся.

— Шут гороховый, — беззлобно хмыкнул ротный и, развернувшись, повёл взводного к выходу.

Как только шаги офицеров затихли, а отблески света во дворе окончательно угасли, Юй Вэй не выдержал.

— Командир... А, командир! — донёсся жалобный шёпот.

— Чего тебе? — так же тихо отозвался Шэн Синъюань.

— Можно... можно я к тебе под бок перелезу? — несчастным голосом спросил Юй Вэй.

— С чего это вдруг? Замёрз совсем? — Синъюань и сам толком не спал, прислушиваясь к каждому шороху в темноте.

— Да я дурак... когда позавчера уставной кубик из одеяла формовал, водой его сбрызнул для жёсткости. А оно за день промёрзло — теперь будто ледяной плитой укрываюсь! Зуб на зуб не попадает, командир, пощади!

У Синъюаня так и зачесались руки отвесить ему хорошего подзатыльника.

— Ты в своём уме вообще? В такой колотун одеяло мочить! Голову где-то по дороге потерял?!

— Да я же ради общего блага старался! — заныл Юй Вэй. — Чтобы из-за моей кривой складки всему отделению оценку по строевой подготовке не занизили!

— Ладно, шут с тобой, лезь сюда, — сдался Синъюань и приподнял край одеяла.

Юй Вэй вспорхнул со своей полки ловко, как обезьяна. Сверкнув худыми плечами в одной лишь армейской майке и трусах, он рыбкой нырнул под тёплый бок Шэн Синъюаня.

— Зараза мелкая, — ворчливо бросил Синъюань, похлопав его по спине и заботливо подтыкая одеяло со всех сторон.

— О-о-о, командир, у тебя тут просто курорт! — Юй Вэй аж зажмурился от блаженства, тихонько зарываясь носом в подушку.

— Завтра же вынеси своё барахло сушиться. Понял?

— А если солнца не будет?

— Значит, возле печки разложишь.

— Командир, а может, я у тебя поживу, а? Тут так хорошо... — проканючил Юй Вэй.

— Ты ещё поторгуйся мне... — начал было Синъюань, но на верхней койке резко, со злостью перевернулся Хань Жуй.

— Да вы заткнётесь наконец? — раздался сверху его ледяной, раздражённый голос. — Дайте поспать!

— Извини, Хань Жуй, — негромко отозвался Синъюань и легонько ткнул притихшего Юй Вэя в бок. — Всё, рот на замок. Спи давай.

Сверху больше не донеслось ни звука, лишь металлическая сетка кровати протестующе скрипнула, когда Хань Жуй поглубже зарылся в подушку.

Синъюань лишь мысленно покачал головой. Какая муха укусила этого недотрогу среди ночи? Но устраивать разборки в спящей казарме было глупо. Натянув тёплое армейское одеяло до подбородка, он закрыл глаза и попытался уснуть.

Наутро метель утихла, и небо прояснилось.

Юньчан располагался на юго-западе страны, где настоящих снегопадов отродясь не видели. Стоило взойти зимнему солнцу, как от ночной бури остались лишь редкие белые шапки на

верхушках деревьев; сам же плац был абсолютно сухим.

После утренней зарядки отделение вернулось в казарму для приведения расположения в порядок.

— Юй Вэй, не забудь про своё сырое одеяло! — Синъюань кивнул на идеально сложенный зелёный «аккуратный кирпич» на кровати парня.

— Да разве его на таком слабом солнце высушишь? — уныло протянул тот.

— Заруби себе на носу: сегодня ко мне под бок ты не лезешь, — отрезал командир отделения.

— Это ещё почему? — Юй Вэй замер, с надеждой заглядывая командиру отделения в глаза. — Слушай, ну холодина же дикая. Если мы потеснимся на одну ночь, вреда никому не будет, зато я не слягу с воспалением лёгких!

— Ты во сне крутишься как юла, знал об этом? — Синъюань со стоном потёр затекшее плечо. — Я из-за тебя всю ночь на самом краю пролежал, плечо продуло — теперь руку поднять не могу.

— Так я разомну! Живо всё пройдёт! — засуетился Юй Вэй с подхалимской улыбочкой.

— Слышь, Мелкий, а ты чего это ночью к командиру в койку перебрался? — Лянь Чжиги, только что вернувшийся из умывальника с полотенцем на плече, с любопытством уставился на приятеля.

— Молчал бы лучше! Это же твоя дурацкая идея была! — взорвался Юй Вэй, сердито зыркнув на здоровяка. — Сбрызни водой, складка ровнее ляжет... Если бы не твои вредные советы, спал бы сейчас в тепле! — Он тут же сменил гнев на милость и заискивающе посмотрел на Синъюаня: — Хорошо, что у нашего командира золотое сердце. Спаситель мой!

— Да ладно тебе, — смущённо кашлянул Лянь Чжиги, чувствуя свою вину. — Зато «домик» у тебя теперь — загляденье! Ну, раз такое дело, давай сегодня ко мне перебирайся, у меня места побольше.

— Ой, тоже мне, нашёл царские палаты! Думаешь, я к тебе побегу? — фыркнул Юй Вэй, задрав нос.

— Ну и мёрзни тогда, дело хозяйское, — хмыкнул здоровяк.

— Вот и буду! Лучше уж к командиру под бок!

— Ну уж нет, избавьте, — покачал головой Синъюань. — Перелезай к Чжигу. Если я ещё одну ночь так промучаюсь, у меня рука вообще отвалится.

— Командир, неужто правда так сильно ломит? — виновато спросил Юй Вэй.

— А ты как думал? — Синъюань вздохнул. — Сейчас до санчасти дойду, попрошу у санинструктора согревающий пластырь.

— А ночью...

— А ночью сам крутись как хочешь.

За разговорами они не заметили, как прозвучал сигнал на завтрак.

Синъюань тут же поднялся на ноги, скомандовал построение, и отделение послушно выстроилось на плацу.

— Запевай! «Есть одна простая истина!» — гаркнул Синъюань.

Над заснеженным плацем разнеслось нестройное пение. На службе от солдат никто не требовал оперного вокала — главное, чтобы орали во всю глотку, с напором и удалью. Но морозный утренний воздух сковывал дыхание, и песня звучала вяло.

Заметив это, командир роты недовольно нахмурился.

— Вы чего там, от голода опухли? — зычно крикнул ротный, прохаживаясь перед строем. — Поёте как девицы на выданье! Стыдобища!

Новобранцы замерли, вытянувшись в струнку и не смея шелохнуться.

— Ещё раз! Пока нормально не споёте, в столовую никто не пойдёт! Запевай!

— «Есть одна простая истина!» — выкрикнул запевала.

На этот раз рота выдала такой рёв, что со старых лип вокруг плаца посыпался иней.

Ротный удовлетворённо кивнул и махнул рукой в сторону столовой.

Бойцы поротно потянулись на завтрак. Заняв свои места за столами, каждый застыл по стойке смирно, глядя строго перед собой.

— Садись! — скомандовал дежурный офицер.

Все как один опустились на скамьи.

Дежурные по столовой уже успели расставить тарелки. Но стоило Синъюаню бросить взгляд на порцию Хань Жуя, как брови его поползли вверх: каши в чужой миске было чуть ли не вдвое меньше, чем у остальных.

За столом разговаривать строго запрещалось, поэтому Синъюань лишь выразительно посмотрел на дневального, дежурившего сегодня на раздаче. Тот лишь испуганно скользнул по нему взглядом и отрицательно покачал головой.

Синъюань легонько толкнул Хань Жуя локтем и вопросительно приподнял бровь: «Наешься?»

Тот даже ухом не повёл — лишь едва заметно кивнул и спокойно потянулся палочками к маринованным овощам.

Синъюань не стал приступать к еде. Вместо этого он медленно окинул взглядом сослуживцев. По характеру он был человеком мягким, рассудительным и терпеливым — за это спокойствие и умение разругать любую беду первое отделение его и уважало. Но мягкость не означала слабость. А подобная детская, мелочная попытка выжить неугодного товарища из коллектива разозлила его не на шутку.

«Ну погодите у меня, — со злостью подумал Синъюань, сверля взглядом двоих дежурных. — Вернёмся в казарму — устрою я вам знатную трёпку»

Те, чувствуя неладное, уткнулись в свои тарелки и усердно работали ложками, боясь даже поднять глаза.

Едва они покинули столовую, Синъюань перехватил дежурных у крыльца.

— Живо докладывайте, что это сейчас было? — сурово спросил он.

— Да ничего такого, командир, — замялся Ян Сяоху, силясь выдавить беззаботную улыбку.

— Если ничего такого, почему у Хань Жуя в тарелке сиротская пайка оказалась? —

прищурился Синъюань.

В армейской столовой голодным никто не оставался, добавку давали всегда. Но когда у всех порции насыпаны с горкой, а у одного — половина, это не просто случайность. Это открытый плевок в лицо.

— Так он сам мало ест, — буркнул Сяоху.

— Мы сколько месяцев бок о бок служим? — Синъюань повысил голос. — Я его аппетит наизусть знаю. И вы тоже прекрасно в курсе, сколько ему нужно.

— А я понятия не имею! — упрямо буркнул Чжан Шуай, отводя взгляд в сторону.

— И что за кошка между вами пробежала? — Синъюань примиряюще положил руку на плечо Чжан Шуая. — Да, характер у него непростой, парень не из общительных. Но зла он никому не желает.

— Командир, ты вечно его выгораживаешь! — с обидой воскликнул Чжан Шуай.

Синъюань невольно усмехнулся:

— Значит, угадал. Выкладывайте, что стряслось.

— Да ерунда всякая, — попытался съехать с темы Ян Сяоху.

— Хотите, я его прямо сейчас сюда позову? — предложил Синъюань. — Сядем втроём и во всём разберёмся, без обиняков.

— Ещё чего! Да с этим барином разве нормально поговоришь? — раздражённо фыркнул Чжан Шуай.

— Ладно, — вздохнул Синъюань. — Если вы меня хоть немного уважаете как командира, расскажите всё как есть. Мы в одном отделении служим, делить нам нечего, к чему эти обиды за спиной копить?

— Эх, командир... — Чжан Шуай замялся, подбирая слова. — Да даже не знаю, с чего начать.

— Начинай сначала. Мы никуда не торопимся, — подбодрил его Синъюань.

Как оказалось, конфликт зрел давно. Чжан Шуай вырос в глухой горной деревушке, парень он был простой, бесхитростный, но жутко упрямый. Да и в военном деле ему всё давалось с

трудом — на занятиях он вечно отставал от остальных на полшага.

Инструкторы то и дело гоняли его за ошибки, но против природы не попрёшь. Ребята из отделения старались поддерживать товарища: каждый раз после отбоя или в личное время кто-то обязательно оставался с Чжан Шуаем, помогая ему отрабатывать нормативы.

Все помогали, кроме Хань Жуя. Тот после свистка сразу разворачивался и уходил по своим делам, будто его это вообще не касалось. А ведь Хань Жуй по физической и тактической подготовке был лучшим в отделении — взводный его нормативы постоянно ставил другим в пример.

Вчера Чжан Шуай набрался смелости и подошёл к Хань Жую, чтобы тот подсказал, как правильно держать автомат при изготовке к стрельбе. Но тот лишь ожёг его ледяным взглядом, молча вскинул оружие пару раз, показывая хват, и ушёл, не проронив ни слова.

Пока соображающий туго Чжан Шуай пытался уложить это в голове, Хань Жуй и след простыл.

— Ну разве так по-товарищески поступают? — возмутился Ян Сяоху.

— Командир, я знаю, что веду себя как баба обидчивая, — глухо сказал Чжан Шуай, уставившись под ноги. — Но он же правда зарывается!

Вечно ходит с такой миной, будто ему все кругом по жизни должны. Ни здрасьте, ни прощай, на контакт не идёт. Думает, если у него всё получается, то и на остальных можно свысока смотреть? Армия — не частная лавочка его папаши!

— Я понял вас, ребята, — медленно произнёс Синьюань. — Поговорю с ним при случае. Раз уж мы все в одной лодке, надо держаться вместе и помогать друг другу.

— Вот и я о том же! — горячо кивнул Сяоху.

Синьюань проводил их взглядом, а затем посмотрел в сторону Хань Жуя. Тот стоял чуть поодаль, безучастный ко всему миру, с привычным холодным выражением лица.

Сможет ли он вообще подобрать ключ к этому нелюдимому парню? У Синьюаня заранее разболелась голова при одной мысли об этом разговоре.